

УДК 94(38).08
DOI 10.52452/19931778_2023_5_36

ФЕДЕРАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ В СОЮЗАХ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ (ЭТОЛИЯ, АКАРНАНИЯ, ФЕССАЛИЯ)

© 2023 г.

С.К. Сизов

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

Sergey_Sizov@yahoo.com

Поступила в редакцию 01.08.2023

В трех достаточно крупных федерациях Средней и Северной Греции эллинистического времени (III–II вв. до н.э.) существовала сфера федеральной юрисдикции, к которой относилось рассмотрение споров между городами союза, обвинений в нарушении федеральных законов и договоров, а также, что весьма вероятно, тяжб между частными лицами – гражданами разных полисов. У этолийцев судебными функциями был наделен прежде всего союзный совет, который или рассматривал дело сам, или, в случае необходимости, создавал судебную комиссию из граждан федерации. О приглашении иностранных арбитров властями Этолийского и Акарнанского союзов сведений нет. Фессалийцы, напротив, очень часто прибегали к помощи зарубежных судей, хотя иногда рассмотрение дела могло быть поручено судьям-фессалийцам. О существовании и деятельности постоянного федерального суда как особого союзного органа в каждой из трех федераций свидетельств не имеется.

Ключевые слова: федерализм, юстиция, судопроизводство, Этолийский союз, Акарнанский союз, Фессалийский союз, эллинизм.

Расцвет федеративной государственности в ряде областей греческого мира в III–II вв.¹ привел к тому, что в Греции, на островах и в Малой Азии одновременно существовали союзы полисов, типологически одинаковые по форме территориально-политического устройства, во многом схожие по внутренней политической организации, но отличавшиеся друг от друга многими своеобразными чертами. Сталкиваясь с одними и теми же задачами и проблемами, греческие федерации нередко разрешали их по-разному. Так, в каждом федеративном государстве возникала необходимость улаживания споров, которые затрагивали интересы разных общин или союза в целом и поэтому не могли рассматриваться в обычных полисных судах. В современных федерациях подобные дела относятся к юрисдикции постоянно действующих федеральных судов, однако в греческих союзах, как показывают имеющиеся отрывочные сведения, подобная организация федерального судопроизводства была скорее исключением, чем правилом.

1. Этолийский союз. Этолийская федерация, которая в конце III – начале II в. включала в себя большинство областей Средней Греции и некоторые территории в северной части Эллады, позволяла входившим в нее гражданским общинам пользоваться значительной самостоятельностью [1; 2, р. 106–108], но при этом определенные функции, прежде всего военные и внешнеполитические, были отнесены к сфере исключитель-

ной компетенции федеральных органов власти. Эти органы обладали и собственной юрисдикцией, которая, в частности, позволяла им привлекать к ответственности лиц, нарушивших союзные законы и международные договоры, заключенные федерацией. Ввиду общеизвестной склонности этолийцев к грабительским нападениям на чужие территории даже в мирное время и к морскому пиратству², особое значение имела правовая охрана гарантий неприкосновенности, предоставленных Этолийской федерацией тем или иным греческим государствам, преимущественно прибрежным полисам Эгейды. Сохранились надписи с текстами документов, относящихся к середине и второй половине III в., о предоставлении этолийских гарантий безопасности в виде ἀσυλία или ἀσφάλεια, нередко сопровождаемых дарованием исополитии, целому ряду полисов на побережье и островах Эгейского моря³. Главное обязательство, которое брали на себя этолийцы, обычно сводилось к формуле «μη ἄγειν μηδαμόθεν ὀρμημένους», т.е. не захватывать и не увозить добычу, не нападая ни с какой стороны. Поскольку существовала опасность, что частные лица из Этолии, игнорируя обещания, данные государством, все равно будут заниматься разбоем на территории государств, которые получили такие гарантии, то в некоторых, достаточно хорошо сохранившихся надписях можно обнаружить упоминание о санкциях за нарушение принятых этолийцами обязательств. Подобные действия рассматривались как «нанесение

вреда общему делу этолийцев» (ὡς τὰ κοινὰ τῶν Αἰτωλῶν βλάβτοντας: IG XII,2 16, сткк. 7–8; SEG XVIII 245, стк. 7; IG IX 1²,1 4с, сткк. 23–24), и поэтому преследование виновных возлагалось на федеральные органы власти. В постановлении о гарантиях Теосу говорится следующее: «Если же кто-то захватит людей или их добро в городе или на территории полиса, то видимое имущество (τὰ μὲν ἐμφανῆ) пусть взыщет стратег или члены союзного совета, пребывающие в должности в это время, а что касается невидимого имущества (τῶν δὲ ἀφανέων), то пусть захватившие его будут преданы суду (ὕποδίκους εἶμεν), при том, что у теосцев будет право предъявить обвинение и совершать остальные процессуальные действия (τὰς ἐγδικάσιος καὶ τὰς λοιπὰς οἰκονομίας), в соответствии с тем, что предоставлено дионисовым артистам по закону этолийцев» (IG IX 1²,1 192, сткк. 12–16).

Схожие, но несколько иначе сформулированные гарантии были даны гражданам Митилены. На сей раз обязанность отобрать у нарушителей и вернуть митиленянам «видимое имущество» возлагается только на стратега, а произвести оценку награбленного «невидимого имущества» поручается союзному совету, который должен определить сумму возмещения (ζαμίαν), присудив (καταδικάζοντας) ее потерпевшим (IG XII,2 15, сткк. 6–11). Эта вторая формулировка более точно описывает порядок судопроизводства в отношении тех, кто «нанес вред общему делу этолийцев»: федеральный стратег (глава союза) наделялся не столько судебными, сколько военно-полицейскими полномочиями, имея задачей отыскать и вернуть на родину «видимое имущество», т.е. прежде всего похищенных людей, в то время как полноценное судебное разбирательство должно было происходить в союзном совете, члены которого («синедры») были обязаны установить примерную стоимость награбленного «невидимого имущества», т.е. денег и ценных предметов, и принять судебное решение о размере суммы, которую следовало уплатить в качестве компенсации. Примерно такие же процедуры предусматривались и в других документах⁴. В этолийском постановлении о договоре с Милетом также говорится, что если стратег и синедры не выполняют свои обязанности по изъятию награбленного, то сами должны понести ответственность перед судом, предусмотренным правовым соглашением (συμβολά) между Этолийским союзом и Милетом (вероятно, перед арбитрами из третьего государства), и уплатить стоимость похищенного в двойном размере (SVA III 564, сткк. 13–16).

Таким образом, очень важным направлением деятельности федеральной юстиции было при-

влечение к ответственности лиц, нарушивших союзные законы, что в специфических условиях Этолии касалось главным образом тех норм, которые гарантировали неприкосновенность жителям дружественных полисов, а также определенным категориям людей наподобие дионисовых артистов (технитов)⁵. В роли судебного органа, разбиравшего такие дела, выступал союзный совет, довольно многолюдный орган, формируемый гражданскими общинами федерации по принципу пропорционального представительства и выполнявший, помимо судебных, и другие функции [9, S. 1524–1526; 10, Sp. 1209–1210; 11, p. 198–200; 4, p. 173–177; 2, p. 111–113, 116–117]. Неизвестно, требовалось ли для судебного заседания присутствие всех членов синедриона, или, как предполагает Дж. Грейнджер, судебную комиссию составляла «дежурная» часть совета, подобная афинским пританам [4, p. 177]. Судебный иск мог предъявлять «любой желающий» (Syll.³ 629, стк. 20), включая иностранцев, но главным образом эти правом должны были пользоваться потерпевшие (IG IX 1²,1. 192, сткк. 14–15). Решение синедров сводилось к определению суммы возмещения, которую следовало уплатить истцам. Порядок (οἰκονομία) судебного процесса был регламентирован законом (IG IX 1²,1. 192, сткк. 15–16), о содержании которого можно лишь строить предположения.

Другим направлением деятельности федеральной юстиции в Этолийском союзе являлось разрешение споров между общинами – субъектами федерации. Сохранилось несколько надписей, упоминающих судебные решения о демаркации границ между полисами. Две из них относятся к границам Мелитеи, города, расположенного во фтиотийской Ахайе и определенное время входившего в Этолийскую федерацию. В 214/3 г. был разрешен территориальный спор между Мелитеей и Ксиниями, также городом фтиотийских ахейцев (Syll.³ 546a), а в следующем году (213/2) была произведена демаркация границы между Мелитеей и соседней Переей, которая должна была слиться с Мелитеей в единую общину, но перед этим, на случай возможного разъединения в будущем, следовало уточнить, где проходят рубежи между двумя полисами (Syll.³ 546b)⁶. Мелитея и Перея, таким образом, следовали известному принципу: «Чтобы объединиться, надо размежеваться». В обоих документах говорится, что определение границ произвели «судьи, выбранные этолийцами» (οἱ ὑπὸ τῶν Αἰτωλῶν αἰρεθέντες δικασταί: Syll.³ 546a, сткк. 5–6; 546b, сткк. 1–2). В первой из указанных надписей имена судей не сохранились⁷, во второй в качестве судей названы три гражданина Калидона⁸. Какой именно ор-

ган Этолийского союза назначил судей, неизвестно; предполагается, что это мог сделать союзный совет [11, р. 210; 13, р. 478], к которому обратились заинтересованные общины⁹.

Еще одно подобное решение, по-видимому, в 230-х гг. [16, р. 501], приняли «земельные судьи» (οἱ γαιοδίκαι)¹⁰ из города Фиррея, которые обозначили границу между полисами Матрополем и Эниадами (IG IX 1², 1.3B). Само разбирательство производилось под эгидой Этолийского союза, о чем свидетельствует не только датировка документа именем федерального стратега, но и заголовок: «κρίμα γαϊκὸν Στρατικῶν τέλειος» (стк. 2), буквально: «земельное решение Стратского округа». Внутри Этолийской федерации существовали большие округа, объединявшие этнически однородные общины, в частности Локрийский (западные локры) и Стратский (аннексированные этолийцами Страт и другие города акарнанов). Эти округа имели некую внутреннюю организацию, главное должностное лицо с титулом «буларха» и какую-то компетенцию, делегированную им федеральной властью [18, с. 116–117; 19, S. 371–373; 20, с. 65; 21, S. 133–159; 2, р. 95–96]. Как видно из нашей надписи, на усмотрение округов иногда отдавалось и разрешение территориальных споров между полисами одного племени: Матрополь и Эниады, равно как и Фиррей, были акарнанскими городами. В данном случае федеральная юстиция была задействована не прямо, а опосредованно, поскольку судьи, скорее всего, были назначены не союзными органами власти, а руководством федерального округа¹¹.

2. Союз акарнанов. Существует мнение, что «Акарнанская федерация в течение всего времени своего существования, с позднего V в. до самого конца, имела федеральный суд» [11, р. 272–273]. Что касается более раннего периода, то в V в. союз общин племени акарнанов, по словам Фукидида (III 104.1), использовал приморскую крепость Ольпы в качестве места для заседаний «общего суда» (κοινῆ δικαστηρίῳ ἐχρῶντο). Впрочем, наречие «лотэ» («некогда») в этой фразе указывает, что ко времени Пелопоннесской войны суд в Ольпах больше не собирался. На самом деле, данные Фукидида могут быть интерпретированы по-разному. Если одни исследователи полагают, что в Ольпах действительно собирался союзный суд Акарнании [9, S. 1463; 24, р. 254–255; 25, S. 59–60; 26, S. 240; 27, S. 246–247; 28, р. 152–154], то другие склоняются к той мысли, что в этой крепости, расположенной на границе Акарнании и Амфилохийского Аргоса, сходились делегации акарнанов и амфилохов, чтобы

разрешать споры между собой «общим судом» из представителей обоих племен [29, р. XIV, n.1; 30, р. 496–497; 31, S. 87–90; 32, р. 73]. Действительно, было бы странным устраивать заседания предполагаемого союзного суда акарнанов на окраине населенной ими области, а не в политическом центре Акарнании, каковым в классический период являлся город Страт [33, р. 189–203; 34, р. 165–171]. В любом случае, едва ли следует предполагать существование некоей преемственности между судом в Ольпах и федеральной юстицией в Акарнании времен эллинизма: за столь длительное время устройство союза и даже его типологическая характеристика (от племенного сообщества к федерации полисов) могли существенно измениться.

В эллинистическую эпоху, когда Союз акарнанов уже, несомненно, представлял собой федеративное государство, здесь, как и в Этолии, наряду с законами полисов существовало и федеральное законодательство (IG IX 1², 2. 208; 582; 583; 588). Предусматривались и санкции за нарушение союзных законов и договоров. В плох сохранившейся надписи конца IV или начала III в. указано, что штраф за неисполнение обещаний относительно личной безопасности, данных акарнанами некоему Антимаху, должен составить 100 мин с полиса или 10 мин с частного лица (IG IX 1², 2. 573, сткк. 6–10). Более строгое наказание было предусмотрено в договоре 216 г. между Союзом акарнанов и городом Анакторием (IG IX 1², 2. 583), который был посвящен превращению храма Аполлона Актийского из городского святилища в федеральное [35, S. 86–122; 27, S. 261–262; 36, S. 158–159, 164–165]. «Если же кто-то напишет постановление или закон, или иным образом попытается ниспровергнуть это соглашение», говорится на строках 72–75, «то, если это будет полис, пусть заплатит 500 мин, а если частное лицо (ἕτας), то пусть будет казнен по приговору суда (ἀποθνασκέτω κριθεὶς ἐν τῷ δικαστηρίῳ)». Упомянутый здесь δικαστήριον обычно считается федеральным судом акарнанов¹². Надпись не поясняет, каков был состав этого суда, был ли он постоянно действующим, или каждый раз формировался заново для разбора конкретного дела; исследователи воздерживаются от того, чтобы строить хотя бы предположения по этому поводу [35, S. 115, Anm. 4; 11, р. 272; 32, р. 82]. Неясно также, мог ли ответчиком в этом суде выступать целый полис. Вполне возможно, что штраф на гражданскую общину могли налагать союзные власти и без судебного разбирательства [35, S.115, Anm. 4; 11, р. 272]¹³.

Разумеется, федеральная юрисдикция распространялась и на те дела, в которых фигурировало обвинение в государственной измене, под кото-

рой подразумевалось прежде всего содействие врагам союза. Именно такое обвинение было предъявлено весной 197 г., незадолго до окончания второй Римско-македонской войны, двум видным гражданам – Архелаю и Бианору, которые, заручившись поддержкой федерального стратега Зевксиппа, провели через союзное собрание решение о разрыве с Македонией и заключении союза с Римом. По словам Тита Ливия, на собрании присутствовали представители далеко не всех городов, его постановление вызвало возмущение в тех общинах, которые не участвовали в голосовании, и когда в Акарнанию вернулись отправленные на родину Филиппом V предводители промакедонской партии Андрокл и Эхедем, новое собрание отменило решение о союзе с Римом, а его инициаторов подвергло наказанию: Архелай и Бианор как авторы предложения были осуждены за измену (*proditionis in concilio damnarentur*), а стратег, за то, что поставил предложение на голосование, был отстранен от должности. Впрочем, все трое, хотя им советовали бежать из страны, осмелились явиться на заседание собрания и там, искусными речами изменив настроение многолюдной толпы (*multitudo*), добились отмены вынесенных им приговоров, хотя решение оставаться в союзе с Македонией отменено не было (Liv. XXXIII 16. 1–17).

Яркий и образный рассказ Ливия об этих событиях (несомненно, основанный на сведениях, содержащихся в одной из утраченных глав «Истории» Полибия) оставляет не вполне понятной юридическую сторону дела. Римский историк не поясняет, почему решение первого собрания – о переходе на сторону римлян – было признано не имеющим силы (буквально – *privatum decretum*, т.е. «постановлением частных лиц»: Liv. XXXIII 16. 3), и на каком основании его инициаторы были признаны виновными в измене. Обычно считается, что первое собрание было неправомочно принимать подобные постановления, поскольку оно заседало в неполном составе [9, S. 1466; 37, S. 48; 38, p. 278; 39, p. 109], или решение не собрало необходимого количества голосов [11, p. 270, n.5]. Это возможно, хотя остается неясным, почему инициаторов постановления осудили не за процедурные нарушения, а за государственную измену. Наиболее правдоподобным выглядит предположение О. Дани, по мнению которого у акарнанов существовал федеральный закон примерно такого содержания: тот, кто предложит нарушить договор о союзе с Македонией, подлежит наказанию, а предложенное им постановление, пусть даже принятое собранием, не будет иметь силы [27, S. 269–270]. Имеется и прямая аналогия: в законе Ахейского союза, действовавшем до 198 г., запрещалось должностным

лицам ставить на голосование решение об отмене союза с Филиппом V, а собранию ахейцев – одобрять такое решение (Liv. XXXII 22. 3). Надо полагать, что стратег Зевксипп был обвинен не в том (или не только в том), что позволил собранию принять решение в отсутствие кворума, а в том, что нарушил прямой запрет, содержащийся в законе. Если этот закон к тому же подразумевал такие же санкции для тех, кто предлагал его нарушить, как и те, о которых говорилось в договоре с Анакторием, то Архелай и Бианор должны были быть приговорены к смерти.

Остается уточнить, что в Акарнании в роли суда по делу, как это нередко бывало и в Ахейском, и в Беотийском союзах, выступило, скорее всего, союзное собрание [11, p. 270; 37, S. 48; 38, p. 278; 39, p. 109; 27, S. 265–266]. Именно федеральные ассамблеи, многолюдные совещания представителей входивших в союз общин, обычно именуется словом «*concilium*» у Ливия, когда речь идет о греческих федерациях. Может вызвать недоумение тот факт, что осужденные собранием политики, как ни в чем не бывало, осмелились явиться на следующее заседание и даже добиться оправдания (или, скорее, помилования). Чтобы объяснить это обстоятельство, автор этих строк в свое время предложил гипотезу, согласно которой приговор по делу об измене был вынесен не союзным собранием, а тем самым федеральным судом, который упоминается в договоре с Анакторием, после чего осужденные решили обратиться к народу как к высшей инстанции [40, с. 75–77]. Однако это предложение остается чисто умозрительным и настаивать на нем не стоит.

3. Фессалийский союз. Федерация полисов Фессалии была образована сразу после окончания второй Римско-македонской войны при непосредственном участии победителей – Тита Квинкция Фламинина и сенатской комиссии, которые в 196–194 гг. разработали для Фессалии новое законодательство, затем утвержденное сенатусконсультом¹⁴. Как справедливо подчеркивает Дж. Ларсен [11, p. 284], устройство Фессалийского союза в целом основывалось на традициях греческой федеративной государственности, хотя римляне намеренно привнесли в эту организацию некоторые новшества. Для того, чтобы положить конец беспорядкам и другим крайним проявлениям внутривнутриполитической борьбы и гарантировать установление господства зажиточной элиты, «которой было более выгодно поддержание мира и спокойствия», Фламинин ввел в Фессалии имущественный ценз для занятия общественных должностей (Liv. XXXIV 51.6)¹⁵. Кроме того, вместо многолюдных союзных собраний, типичных для гре-

ческих федераций, верховным органом Фессалийского союза, по-видимому, был назначен «синедрион» из нескольких сотен фессалийцев, отобранных, очевидно, по тому же имущественному признаку¹⁶. Законы, дарованные римлянами, касались и организации судопроизводства. Как сообщает Ливий (XXXIV 51.6), Фламинин установил цензовые ограничения не только для «сената», но и для «судей»: “a sensu maxime et senatum et iudices legit”. Если под «сенатом» подразумевается союзный синедрион, то означает ли это выражение, что римский проконсул учредил также и федеральный суд? Впрочем, возможно и иное толкование: поскольку целью реформ Фламинина было закрепление власти за «той частью гражданских общин (eam partem civitatum)», которая должна была поддерживать политическую стабильность в своих городах, то «назначение судей» могло сводиться к установлению общей для всех полисов нормы, не допускавшей бедноту к участию в судах.

Это второе предположение кажется более вероятным, поскольку документальный источник недвусмысленно указывает на то, что согласно законам, дарованным Фессалии Фламинием и комиссией десяти сенаторов, дела, которые, казалось бы, в первую очередь должны были входить в компетенцию предполагаемого федерального суда, а именно конфликты между полисами, разрешались иным образом. Примерно в 142 г. территориальный спор между Мелитеей и Нартакием, участниками Фессалийского союза, был рассмотрен третейским судом, состоящим из шести представителей малоазийских полисов Колофона, Самоса и Магнесии [50, р. 420–423, no. 154; 425–429, no. 156], причем судьи были приглашены «союзом фессалийцев», а решение их было вынесено в полном соответствии с «законами фессалийцев, которыми они пользуются по сей день, каковые законы дал консул Тит Квинкий в согласии с мнением десяти посланцев сената, по сенатусконсульту» (сткк. 15–19 второй из указанных надписей¹⁷). Отсюда обычно делается следующий вывод: законодательство Фламинина требовало, чтобы споры между общинами Фессалии разрешались третейским судом, формирование которого всякий раз оставлялось на усмотрение федеральных властей [52, р. 222; cf. 43, р. 170, n. 44; 51, р. 57]. Действительно, целый ряд эпиграфических свидетельств подтверждает, что подобные дела передавались на рассмотрение приглашенных «фессалийцами» или «Фессалийским союзом» арбитров. Спор между Фтиотийскими Фивами и Галосом [50, р. 415–420, no. 153] единолично (редкий случай) рассудил Макон из Ларисы, который

выступил в роли «посредника» (διαιτητής)¹⁸ и добился соглашения сторон. О том, что в назначении Макона принимал участие Фессалийский союз, свидетельствуют и датировка документа именем федерального стратега, и присутствие в списке свидетелей гражданина Мелитеи, и решение выставить плиту с надписью не только в городах – участниках спора, но и в федеральном святилище Аполлона в Ларисе [50, р. 418; 43, S. 211–215; 49, р. 243]. Это судебное разбирательство происходило примерно в то же время, что и спор между Мелитеей и Нартакием¹⁹, и, хотя в документе нет ссылок на «законы Фламинина»²⁰, требование прибегать в подобных случаях к независимому арбитражу было выполнено и на этот раз.

Таким образом, процедура разрешения споров между полисами во всех упомянутых здесь документах²¹ выглядит следующим образом: государственный орган Фессалийского союза (очевидно, синедрион) поручает, с согласия конфликтующих сторон или без такового, рассмотрение дела независимым арбитрам – как иностранцам, так и гражданам не участвующих в споре фессалийских общин. Единственное свидетельство тому, что сам синедрион мог выступить в роли судебной инстанции, относится уже ко времени ранней Империи (IG IX 2. 261). В правление Тиберия наместник провинции Ахайи (куда входила и Фессалия) Гай Поппей Сабин, к которому обратились за разрешением территориального спора фессалийские города Киерион и Метрополь, дал властям федерации письменное поручение вынести решение (κρίσις – стк. 11) о том, какую из сторон следует признать правой. На очередном заседании синедриона были заслушаны доводы сторон и проведено тайное голосование, которое принесло победу Киериону (298 голосами против 31). Об итогах голосования наместнику доложили отдельными письмами секретарь синедриона и глава федерации (стратег). Данный случай иногда воспринимается в научной литературе как доказательство того, что синедрион с самого начала своего существования был наделен судебными функциями и выступал в роли федерального суда [11, р. 290]. Однако данный случай является не вполне типичным. Во-первых, конфликт между Киерионом и Метрополем происходил в эпоху, когда римляне уже не поощряли использование независимого арбитража в разрешении споров между общинами, хотя отдельные примеры подобной практики известны вплоть до времени Антонинов [57, р. 537–542], и предпочитали передавать такие дела на рассмотрение римских судей [58, р. 214]. Поэтому едва ли во времена Тиберия еще действовали требования

«законов Фламиниана» об обязательном проведении третейских судов. Во-вторых, фессалийский синедрион занялся разбором дела не по собственной инициативе, а по прямому указанию Сабина. Нетрудно представить себе ситуацию, в которой чрезвычайно занятый наместник, который был вынужден управлять сразу тремя провинциями, обращается за содействием к областному выборному органу, способному разобраться в запутанном конфликте со знанием дела. Можно предположить, что решение синедриона было предварительным, своего рода консультативным, а окончательный вердикт на его основе должен был вынести сам Сабин [59, р. 66–67; 58, р. 214]. В период Республики спор между этими же городами, судя по сообщениям о находке неопубликованной пока надписи [49, р. 243, п. 46], был разрешен традиционным для того времени способом – путем приглашения арбитров из Приены, Смирны и Краннона. Поэтому делать далеко идущие выводы о судебных функциях синедриона в II–I вв. на основании одного сравнительно позднего документа вряд ли следует. Показателен, однако, тот факт, что поручение римского наместника выполнил именно синедрион, а не предполагаемый федеральный суд, о деятельности которого в Фессалии не сохранилось никаких сведений.

Может быть, в Фессалийской федерации союзный суд занимался рассмотрением тяжб между частными лицами, например гражданами разных полисов? И это маловероятно. Дело в том, что фессалийцы, как отдельные города, так и союз в целом, постоянно приглашали к себе иноземных судей²². Небольшие общины обращались с этой просьбой главным образом к городам, расположенным неподалеку, а крупные полисы и федеральные органы власти могли позволить себе организацию и оплату выездных судов, состоящих из граждан полисов Малой Азии, Пелопоннеса и других отдаленных регионов греческого мира. Сохранилось немало надписей, где этим приезжим арбитрам воздаются всевозможные почести; почти все они относятся к II в. [55; 60]. Само по себе это явление было достаточно распространенным и привычным в эпоху эллинизма, оно имело определенные причины, не связанные прямо с расцветом федерализма, а обусловленные скорее ростом социальной напряженности внутри гражданских общин [61; 62; 57, р. 201–226; 23, р. 127–175, 353–359; 63; 64, S. 171–182, 195–200]. Несколько документов повествуют о приглашении судей из-за рубежа «Союзом фессалийцев», который после завершения их миссии выражал им благодарность и даровал различные почести и привилегии. Сохранились постановления в

честь судей из малоазийских городов Миласы (IG IX 2. 507, в восстановлении Кроутера – SEG XLVII 744), Теоса (SEG XLVII 745), Милета (IG IX 2. 508), а также отрывок постановления в честь судей из неизвестного города (SEG XXXIV 558, сткк. 1–16). Насколько можно судить, заслуги приглашенных судей в этих документах описаны примерно одинаковыми, стереотипными фразами, что свидетельствует о том, что подобная практика была достаточно обычной. Из текста постановлений со всей очевидностью вытекает, что каждая судебная комиссия приняла к рассмотрению немалое количество дел, часть которых удалось завершить досудебным соглашением сторон, а другую часть судьи разрешили «беспристрастно и согласно праву». Города, в которые приезжали судьи, не называются. То, что инициатива приглашения арбитров исходила от федерации, свидетельствует либо о том, что каждая комиссия посетила несколько полисов, а союзные власти лишь способствовали преодолению кризиса правосудия в отдельных городах, либо о том, что хотя бы часть рассмотренных иностранными судьями дел выходила за рамки внутрполисной юрисдикции²³. Если принять второе объяснение, которое кажется достаточно вероятным, то возникает впечатление, что федеральная юстиция в Фессалийском союзе, как в отношении споров между полисами, так и в отношении тяжб между частными лицами, сводилась главным образом к приглашению или назначению третейских судей, часто зарубежных. Иногда, когда имело место прямое нарушение каким-либо городом постановлений федерального правительства и дело не требовало отлагательств, как, например, в случае организации срочных поставок зерна в Рим, стратег – глава союза имел право своей властью налагать и взysкивать штрафы с полисов-нарушителей (SEG XXXIV 558, сткк. 50–56). Подобная практика была едва ли совместима с существованием постоянного федерального суда, специально предназначенного для рассмотрения подобных дел.

Таким образом, в трех достаточно крупных федерациях Средней и Северной Греции эллинистического времени подход к организации федеральной юстиции был различным. У этолийцев судебными функциями был наделен прежде всего союзный совет, который или рассматривал дело сам, или, в случае необходимости, создавал судебную комиссию из граждан федерации. О приглашении иностранных арбитров властями Этолийского и Акарнанского союзов сведений нет. Фессалийцы, напротив, очень часто прибегали к помощи зарубежных

судей, хотя иногда рассмотрение дела могло быть поручено судьям-фессалийцам. О существовании и деятельности постоянного федерального суда как особого союзного органа в каждой из трех федераций свидетельств не имеется, если не считать таковым загадочное упоминание о некоем «суде» (δικαστήριον) в договоре между Акарнанским союзом и городом Анакторием. Этот обзор сохранившихся отрывочных сведений не дает оснований для далеко идущих выводов, но, по крайней мере, еще раз демонстрирует, насколько различной была организация федеративных государств эллинистической Греции, устройство которых невозможно свести к одной-единственной универсальной модели.

Примечания

1. Здесь и далее – до н.э.
2. В литературе последнего времени продолжается давно ведущаяся дискуссия относительно того, насколько правомерно именовать Этолию «пиратским государством», не преувеличены ли обвинения этолийцев в игнорировании всех божественных и человеческих законов в труде Полибия, до какой степени предпринимаемые ими грабительские рейды соответствовали общепринятой практике ведения войн в те времена [3, р. 234–236; 4, р. 3–25; 5, р. 107–116; 6, S. 253–268; 7, с. 41–63]. Большинство исследователей склоняется к тому, чтобы, принимая во внимание крайнюю пристрастность оценочных суждений Полибия, все же признать Этолию одним из главных очагов пиратства в эллинистическом мире в III в.
3. IG IX 1².1. 4с; 173; 192; 193; XI 4. 1050; XII 2. 15–16; XII 5. 857; SVA III 508; 564; SEG XVIII 245; FD III 1. 483.
4. Стратег обязан взыскать (ἀναπράσσειν) похищенное имущество, которое возможно обнаружить (IG IX 1².1. 4с, сткк. 21–22; XII, 2 16, сткк. 4–5; SVA III 470, стк.11; 508, сткк. 5–6), а синедры выносят судебное решение о размерах возмещения (IG IX 1².1. 4с, сткк. 22–25; 189, стк. 10; SVA III 508, сткк. 6–8). Более общая формулировка, подобная той, которая уже встречалась нам в этолийском постановлении о Теосе, использована в документе о гарантиях Милету: за взыскание награбленного отвечают и стратег, и синедры (SVA III 564, сткк. 13–14). Очевидно, в этих двух надписях подразумевается тот же порядок привлечения пиратов к ответственности, что и в большинстве документов, однако он описан в более сжатых выражениях. В более позднем постановлении этолийцев (182 г.), где признается неприкосновенность храма Афины Nikeфоры в Пергаме, говорится лишь о предании нарушителей суду синедров (Syll.³ 629, сткк. 20–21). К этому времени этолийские пиратские набеги на города Эгеиды уже прекратились, так что речь могла идти лишь о святотатственных поступках одиночек, каким-то образом оказавшихся в Пергаме. Похищение людей, которое ранее требо-

вало вмешательства союзного стратега, было уже невозможным.

5. Гарантии неприкосновенности, данные Этолийским союзом, должны были вноситься в собрание федеральных законов, что показывают и ссылка на «закон этолийцев» о дионисовых артистах в процитированной выше надписи IG IX 1².1. 192 (стк. 16), и предписание «записать в законы» гарантии асиии Теосу в том же документе (сткк. 16–18), и аналогичные указания относительно асиии Митилены (IG XII 2. 15, стк. 8), Магнесии на Меандре (IG IX 1².1. 4d, сткк. 40–41; SEG XII 217, стк.12) и святилища Афины Nikeфоры в Пергаме (Syll.³ 629, сткк. 26–27). Очевидно, законодательное закрепление любых гарантий неприкосновенности было у этолийцев обязательным правилом [8, S. 64–65].

6. Первая надпись найдена в Дельфах. В Мелитее был обнаружен практически полный текст второго документа, а в Дельфах – небольшая часть его копии.

7 В конце строки 7 можно восстановить этникон одного из судей: «Πελλαε[ύς]». Может быть, он был уроженцем городка Пеллы во фтиотийской Ахайе (Syll.³ Vol. II, р. 26–27, n.6), но в любом случае не должен был иметь отношения к Пелле – столице враждебного этолийцам Македонского царства.

8. Дж. Грейнджер [4, р. 304, n.37; 12, р. 156] ошибочно отождествляет одного из них по имени Доримах со знаменитым полководцем и четырежды стратегом этолийцев. Этот последний был гражданином не Калидона, а Трихония (Polyb. IV 3.5; IG IX 1².1. 30, сткк. 2–3).

9. То, что инициатива исходила именно от Мелитеи и Переи, вытекает из упоминания о том, что размежевание было проведено по соглашению сторон («αὐτῶν ἐπιχωρησάντων ἐξ ὁμολόγων» – сткк. 2–3). Аналогичная фраза могла содержаться и в надписи о проведении границы между Мелитеей и Ксиниями, но такая конъектура в издании Syll.³ 546а выглядит недостаточно надежной, поскольку от соответствующей строки почти ничего не осталось. Во Фтиотийской Ахайе эллинистического времени постоянно проводились территориальные размежевания [14, р. 300–302], причем в большинстве случаев Мелитея и другие города прибегали к посредничеству представителей того государства, которое контролировало данный регион (Македония, Фессалийский союз, Рим). Было высказано предположение, что в данном конкретном случае к этолийцам обратилась Перея, которая была в соглашении более слабой стороной и могла опасаться полной утраты остатков собственной самостоятельности и идентичности [15, р. 153].

10. Довольно редкий термин, едва ли означающий, что эти люди были экспертами по демаркации границ. Скорее это местное выражение, которое отражало задачу, поставленную перед ними [17, р. 104]. В греческой эпиграфике арбитры, разрешавшие территориальные споры, обычно называются просто «судьями».

11. Было высказано предположение, согласно которому Фиррей в это время не входил в Этолийский союз, так что «земельные судьи» были зарубежными арбитрами [5, р. 91, n. 110]. В принципе это не исключено, однако не слишком вероятно, поскольку больше не известно ни одного случая, когда этолий-

цы внутри своего союза и в контролируемых ими Дельфах доверяли бы судебное разбирательство гражданам иностранного государства [22, S. 87–95; 23, p. 81].

12. “Ein Bundesgerichtshof” [35, S.115], ‘a federal court’ [11, p. 272].

13. Это предположение сейчас можно подкрепить примером из практики Ахейского союза, где, как демонстрирует недавно найденная надпись, должностные лица федерации (дамиурги) имели право во внесудебном порядке штрафовать тот или иной полис за нарушение союзных законов (SEG LVIII 370, сткк.75–79, 98–99).

14. Polyb. XVIII 42.5; 45. 7–12; Liv. XXXIII 24.7; 31. 7–11; XXXIV 51. 4–6; 57.1. Эти законы продолжали действовать и во второй половине II в. (Syll.³ 674, сткк. 15–19, 28–30).

15. В литературе высказывалось мнение, согласно которому данная мера носила временный характер и действовала только в период послевоенного урегулирования [41, p. 39; 42, S. 211; 43, p. 70–71], однако эта точка зрения представляется сомнительной, прежде всего потому, что в других областях греческого мира дарованные представителями Римской республики законы всегда вводили такие цензовые ограничения на постоянной основе [44, p. 62–63; 45, p. 206–207; 46, S. 300; 47, с. 49–58].

16. [11, p. 284–286; 48, p. 32; 49, p. 241].

17. Другие издания этой надписи: IG IX 2, 89 B; Syll.³ 674; [51, p. 51–64, no. 5]. Датировка: [51, p. 62–63]. Упомянутый в документе сенатусконсульт – решение, утверждавшее распоряжения Фламинина и комиссии в Греции.

18. Еще одна необычная особенность этого дела: обычно третейские судьи в греческих надписях называются просто «судьями» (δικασταί) и очень редко – «посредниками», как в нашем случае [53, p. 366–367].

19. Около 146 г. [55, p. 296].

20. Для выигравшего спор с Мелитеей города Нартакция ссылка на решение, вынесенное на основании данных римлянами законов, служила решающим аргументом, поскольку в конечном итоге дело было вынесено на рассмотрение римского сената. Конфликт между Фивами и Галосом был разрешен без участия римлян, отчего упоминание о «законах Фламинина» в этом случае было необязательным.

21. По мнению Б. Элли, еще одну, плохо сохранившуюся надпись IG IX 2. 103 можно интерпретировать как свидетельство о приглашении третейских судей из Деметриады по инициативе Фессалийского союза для разрешения спора между Мелитеей и Гераклеей Трахинской [56]. Однако это предположение основано на косвенных и довольно зыбких доказательствах, и поэтому содержание данной надписи при формулировании общих выводов не учитывается.

22. Мнение О. Кассэр относительно того, что приглашение городами иностранных арбитров требовало обязательного участия союзных органов власти [23, p. 77, 79], опровергается целым рядом почетных декретов полисов в честь судей из-за рубежа, в которых Фессалийский союз не упоминается вообще [60]. Недавно опубликовано еще два документа такого же рода [55].

23. Дж. Ларсен утверждает, что приглашенные союзом иноземные судьи разбирали дела, которые подлежали рассмотрению в городских судах [11, p. 290], однако из текста надписей это не вытекает. Более правдоподобным представляется мнение, согласно которому федерация не вторгалась в юрисдикцию городов (“At no time did the federal authorities interfere with strictly local matters”) [49, p. 243].

Список сокращений

ЖМНП – Журнал министерства народного просвещения.

ВСН – Bulletin de correspondance hellénique.

FD III – Fouilles de Delphes. III: Épigraphie. Paris: de Boccard, 1929–.

IG – Inscriptiones Graecae. Berlin: De Gruyter: 1890–.

RE – Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Stuttgart: Metzler, 1893–.

SEG – Supplementum Epigraphicum Graecum. Leiden, Amsterdam: Gieben, 1923–.

SVA III – Schmitt H. Die Verträge der griechisch-römischen Welt von 338 bis 200 v.Chr. // Die Staatsverträge des Altertums. Bd. 3. München: Beck, 1969. XIX, 463 S.

Syll.³ – Dittenberger W. Sylloge Inscriptionum Graecarum, editio tertia. Vol. 1–3. Leipzig: Hirzel, 1915–1920.

Список литературы

1. Rzepka J. The rights of cities within the Aitolian confederacy. Valencia: Instituto Valenciano de Estudios Clasicos y Orientales, 2006. 181 p.

2. Funke P. The Aitolian League // Federalism in Greek Antiquity / Ed. H. Beck, P. Funke. Cambridge: University Press, 2015. P. 86–117.

3. Walbank F.W. Macedonia and Greece // The Cambridge Ancient History / 2nd ed. Vol. 7. Cambridge: University Press, 1984. P. 221–256.

4. Grainger J.D. The League of the Aitolians. Leiden: Brill, 1999. XVII, 585 p.

5. Scholten J.B. The Politics of Plunder: The Aitolians and Their Koinon in the Early Hellenistic Era, 279–217 BC. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2000. XXVI, 339 p.

6. Funke P. Die Aitoler in der Ägäis. Untersuchungen zur sogenannten Seepolitik der Aitoler im 3. Jh. v. Chr. // Vom Euphrat bis zum Bosphorus. Kleinasien in der Antike. Festschrift für Elmar Schwertheim zum 65. Geburtstag / Ed. E. Winter. Bonn: Habelt, 2008. S. 253–268.

7. Сизов С.К. Пиратство и «морская политика» этолийцев в Эгейде // Maria nostra: Море в истории европейской цивилизации от Античности до Нового времени / Под ред. А.Н. Маслова и А.В. Махлаюка. Н. Новгород: ННГУ, 2020. С. 41–63.

8. Quass F. Nomos und Psephisma: Untersuchung zur griechischen Staatsrecht. München: Beck, 1971. 90 S.

9. Busolt G. Griechische Staatskunde / 3.Aufl., bearbeitet von H. Swoboda. Heft 1–2. München: Beck, 1926. 1590 S.

10. Schwahn W. Συμπολιτεία // RE. Bd. IV A₁, 1931. Sp. 1171–1266.

11. Larsen J.A.O. Greek Federal States: Their Institutions and History. Oxford: Clarendon, 1968. XVIII, 537 p.
12. Grainger J.D. Aitolian Prosopographical Studies. Leiden: Brill, 2000. XII, 339 p.
13. Ager S.L. Peaceful conflict resolution in the world of the federal states // Federalism in Greek Antiquity / Ed. H. Beck, P. Funke. Cambridge: University Press, 2015. P. 471–486.
14. Haagsma M., Surtees L., Chykerda M. Ethnic Constructs from Inside and Out: External Policy and the *ethnos* of Achaia Phthiotis // Ethnos and Koinon. Studies in Ancient Greek Ethnicity and Federalism / Ed. H. Beck, K. Buraselis, A. McAuley. Stuttgart: Steiner, 2019. P. 285–320.
15. Cassayre A. La justice sur les pierres. Recueil d'inscriptions à caractère juridique des cités grecques à l'époque hellénistique. 2014. URL: <https://criminocorpus.org/fr/bibliotheque/doc/106/> (дата обращения: 12.08.2023).
16. Mackil E. Creating a Common Polity. Religion, Economy, and Politics in Making a Greek *Koinon*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2013. XXVII, 593 p.
17. Rousset D. Les frontières des cités grecques. Premières réflexions à partir du recueil des documents épigraphiques // Cahiers du Centre Gustave Glotz. 1994. Vol. 5. P. 97–126.
18. Никитский А.В. Αἰτωλικὰ: II. О 189–188 г. до Р.Х. // ЖМНП. 1900. № 12. С. 113–151.
19. Sordi M. Die Anfänge des Aitolischen Bundes // Zur griechischen Staatskunde / Hrsg. F. Gschnitzer. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1969. S. 343–374.
20. Сизов С.К. Федеративное государство эллинистической Греции: Этолийский союз. Н.Новгород: ННГУ, 1990. 80 с.
21. Corsten T. Vom Stamm zum Bund. Gründung und territoriale Organisation griechischer Bundesstaaten. München: Oberhummer, 1999. 271 S.
22. Habicht Chr. Fremde Richter im ätolischen Delphi? // Chiron. 1987. Bd. 17. S. 87–95.
23. Cassayre A. La justice dans les cités grecques. De la formation des royaumes hellénistiques au legs d'Attale. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2010. 557 p.
24. Consolo Langher S. Problemi del federalismo greco: il *koinon* acarnano in Tucideide // Helikon. 1968. Vol. 8. P. 250–276.
25. Giovannini A. Untersuchungen über die Natur und die Anfänge der bundesstaatlichen Sympolitie in Griechenland. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1971. 100 S.
26. Lang F. Veränderungen des Siedlungsbildes in Akarnanien von der klassisch-hellenistischen zur römischen Zeit // Klio. 1994. Bd. 76. S. 239–254.
27. Dany O. Akarnanien in Hellenismus. Geschichte und Völkerrecht in Nordwestgriechenland. München: Beck, 1999. XI, 363 S.
28. Fantasia, Ugo. L'*ethnos* acarnano dal 454 al 424 a.C.: dinamiche locali e relazioni internazionali // Lo spazio ionico e le comunità della Grecia nord-occidentale / Ed. C. Antonetti. Pisa: ETS, 2010. P. 141–162.
29. Klaffenbach G. Fasti Acarnanici // IG. Vol. IX. Pars 1. Fasc.2. / Ed. minor. Berlin: de Gruyter, 1957. P. IX–XXXI.
30. Hammond N.G.L. Epirus: The Geography, the Ancient Remains, the History and the Topography of Epirus and Adjacent Areas. Oxford: Clarendon, 1967. XXIII, 847 p.
31. Schoch M. Die Einrichtung des zweiten Akarnanischen Bundes // Akarnanien: eine Landschaft im antiken Griechenland / Hrsg. P. Berktold, J. Schmid, C. Wacker. Würzburg: Ergon, 1996. S. 129–131.
32. Freitag K. Akarnanien und die Akarnanische Liga // Federalism in Greek Antiquity / Ed. H. Beck, P. Funke. Cambridge: University Press, 2015. P. 66–85.
33. Funke P. Acheloos' Homeland. New Historical-Archaeological Research on the Ancient Polis Stratos // Foundation and Destruction. Nikopolis and Northwestern Greece / Ed. J. Isager. Aarhus: Universitetsforlag, 2001. P. 189–203.
34. Lasagni C. «Tribal Poleis» in Northwestern Greece // La question de l'espace au IVe siècle av. J.-C.: continuités, ruptures, reprises / Ed. A. Pollini, S. Montel. Besançon: Presses universitaires de Franche-Comté, 2018. P. 159–188.
35. Habicht C. Eine Urkunde des akarnanischen Bundes // Hermes. 1957. Bd. 85. S. 86–122.
36. Corsten T. Stammes- und Bundeskulte in Akarnanien // Kult – Politik – Ethnos. Überregionale Heiligtümer im Spannungsfeld von Kult und Politik / Ed. K. Freitag, P. Funke, M. Haake. Stuttgart: Steiner, 2006. S. 157–167.
37. Deininger J. Der politische Widerstand gegen Rom in Griechenland 217–86 v. Chr. Berlin; New York: de Gruyter, 1971. XIV, 279 S.
38. Briscoe J. A commentary on Livy. Books XXXI–XXXIII. Oxford: University Press, 1973. XVIII, 378 p.
39. Cabanes P. Les États fédéraux de Grèce du nord-ouest: pouvoirs locaux et pouvoir fédéral // Symposium 1979. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte / ed. P. Dimakis. Köln; Wien: De Gruyter, 1983. P. 97–111.
40. Сизов С.К. Собрание акарнанов на Левкаде весной 197 г. до н.э.: к интерпретации Liv. XXXIII. 16 // Antiquitas aeterna. Поволжский антиковедческий журнал. Вып. 3. Н. Новгород: ННГУ, 2011. С. 71–79.
41. Gruen E. Class Conflict and the Third Macedonian war // American Journal of Ancient History. 1976. Vol. 1. P. 29–60.
42. Bernhardt R. Polis und römische Herrschaft in der späten Republik (149–31 v. Chr.). Berlin; New York: de Gruyter, 1985. VIII, 318 S.
43. Kallet-Marx R. M. Hegemony to Empire. The Development of the Roman Imperium in the East from 148 to 62 B.C. Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press, 1995. XI, 432 p.
44. Briscoe J. Rome and the Class Struggle in the Greek States 200–146 B.C. // Studies in Ancient Society / Ed. M. Finley. New York: Routledge and K. Paul, 1974. P. 53–73.
45. Ferrary J.-L. Les Romains de la République et les démocraties grecques // Opus. 1987–89. Vol. 6–8. P. 203–216.

46. Pfeilschifter R. Titus Quinctius Flaminus. Untersuchungen zur römischen Griechenlandpolitik. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2005. 442 S.
47. Сизов С.К. Senatus populusque Graecus: реформа политического устройства городов Пелопоннеса в 146 г. до н.э. // Вестник древней истории. 2017. № 1 (77). С. 42–65.
48. Graninger D. Cult and *Koinon* in Hellenistic Thessaly. Leiden: Brill, 2011. X, 210 p.
49. Bouchon R., Helly B. The Thessalian League // Federalism in Greek Antiquity / Ed. H. Beck, P. Funke. Cambridge: University Press, 2015. P. 231–249.
50. Ager S.L. Interstate Arbitrations in the Greek World, 337–90 B. C. Berkeley; Los Angeles; London: California University Press, 1996. XVII, 579 p.
51. Camia F. Roma e le *poleis*. L'intervento di Roma nelle controversie territoriali tra le comunità greche di Grecia e d'Asia Minore nel secondo secolo a.C.: le testimonianze epigrafiche. Atene: Scuola Archeologica Italiana di Atene, 2009. 263 p.
52. Accame S. Il dominio romano in Grecia dalla Guerra Acaica ad Augusto. Roma: Signorelli, 1946. 241 p.
53. Scafuro A. Decrees for Foreign Judges: Judging Conventions or Epigraphic Habits? // Symposium 2013: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte / Ed. M. Gagarin, A. Lanni. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2015. P. 365–395.
54. Freitag K. Ein Schiedsvertrag zwischen Halos und Thebai aus Delphi // Kult – Politik – Ethnos. Überregionale Heiligtümer im Spannungsfeld von Kult und Politik / Ed. K. Freitag, P. Funke, M. Haake. Stuttgart: Steiner, 2006. S. 211–237.
55. Tziafalias A., Helly B. Décrets de Larisa pour des juges de Lacédémone et de Messène et lettres péloponnésienes à Larisa // BCH. 2018. Vol. 142. P. 279–316.
56. Helly B. *Un décret fédéral des Thessaliens méconnu dans une cité d'Achaïe Phthiotide* (IG IX, 2, 103) // BCH. 2001. Vol. 125. P. 239–287.
57. Fournier J. Entre tutelle romaine et autonomie civique. L'administration judiciaire dans les provinces hellénophones de l'Empire romain (129 av. J.-C. – 235 apr. J.-C.), Athènes: École française d'Athènes, 2010. 693 p.
58. Girdvainyte L. Law and Citizenship in Roman Achaia: Continuity and Change // Law in the Roman Provinces / Ed. K. Czajkowski, B. Eckhardt. Oxford: University Press, 2020. P. 210–243.
59. Elliott T. Epigraphic Evidence for Boundary Disputes in the Roman Empire. Chapel Hill: University of North Carolina, 2004. XXXII, 332 p.
60. Crowther C. Foreign Judges in Thessaly in the Hellenistic Period: A Second Century Phenomenon? // Inscriptions and History of Thessaly. New Evidence: Proceedings of the International Symposium in honor of Professor Christian Habicht / Ed. G.A. Pikoulas. Volos: Panepistēmio Thessalias, 2006. P. 31–48.
61. Robert L. 1973. Les juges étrangers dans la cité grecque // Xenion. Festschrift für P.J. Zepos / Ed. E. von Caemmerer. Bd.1. Athen: Katsikalis, 1973. P. 765–782.
62. Crowther C. Foreign Judges and Regional Variations in Hellenistic Asia Minor // Regionalism in Hellenistic and Roman Asia Minor / Ed. H. Elton, G. Reger. Bordeaux: Ausonius, 2007. P. 53–59.
63. Hamon P. Mander des juges dans la cité: notes sur l'organisation des missions judiciaires à l'époque hellénistique // Cahiers Glotz. 2012. Vol. 23. P. 195–222.
64. Börm H. Mordende Mitbürger: Stasis und Bürgerkrieg in griechischen Poleis des Hellenismus. Stuttgart: Steiner, 2019. 362 S.

FEDERAL JUSTICE IN THE KOINA OF HELLENISTIC GREECE (AITOLIA, AKARNANIA, THESSALY)

S.K. Sizov

In the three large federations of Central and Northern Greece of the Hellenistic time (3rd–2nd centuries BCE), there was a sphere of federal jurisdiction, which included the adjudication of disputes between the cities within the *koinon*, trials on charges of violating federal laws and treaties, and also, very probably, litigations between private individuals – citizens of different *poleis*. The Aitolians vested these judicial functions primarily in the federal council, which either judged the case itself, or, if necessary, created a judicial commission consisting of the citizens of the federation. There is no information about the invitation of foreign arbitrators by the authorities of the Aitolian and Akarnanian federations. The Thessalians, on the contrary, very often resorted to the assistance of foreign judges, although sometimes Thessalian judges could also be entrusted with the adjudication of cases. There is no evidence of the existence and activity of a permanent federal court as a special federal body in each of the three federations.

Keywords: federalism, justice, judicial proceedings, Aitolian federation, Akarnanian federation, Thessalian federation, Hellenism.

References

1. Rzepka J. The rights of cities within the Aitolian confederacy. Valencia: Instituto Valenciano de Estudios Clasicos y Orientales, 2006. 181 p.
2. Funke P. The Aitolian League // Federalism in Greek Antiquity / Ed. H. Beck, P. Funke. Cambridge: University Press, 2015. P. 86–117.
3. Walbank F.W. Macedonia and Greece // The Cambridge Ancient History / 2nd ed. Vol. 7. Cambridge: University Press, 1984. P. 221–256.
4. Grainger J.D. The League of the Aitolians. Leiden: Brill, 1999. XVII, 585 p.
5. Scholten J.B. The Politics of Plunder: The Aitolians and Their Koinon in the Early Hellenistic Era, 279–217 BC. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2000. XXVI, 339 p.
6. Funke P. Die Aitoler in der Ägäis. Unter-

- suchungen zur sogenannten Seepolitik der Aitolier im 3. Jh. v. Chr. // Vom Euphrat bis zum Bosphorus. Kleinasien in der Antike. Festschrift für Elmar Schwertheim zum 65. Geburtstag / Ed. E. Winter. Bonn: Habelt, 2008. S. 253–268.
7. Sizov S.K. Piracy and the «maritime policy» of the Aetolians in the Aegean // *Maria nostra: The Sea in the history of European civilization from Antiquity to Modern Times* / Edited by A.N. Maslov and A.V. Makhlayuk. N. Novgorod: UNN, 2020. P. 41–63.
8. Quass F. *Nomos und Psephisma: Untersuchung zur griechischen Staatsrecht*. München: Beck, 1971. 90 S.
9. Busolt G. *Griechische Staatskunde* / 3. Aufl., bearbeitet von H. Swoboda. Heft 1–2. München: Beck, 1926. 1590 S.
10. Schwahn W. Συμπολιτεία // RE. Bd. IV A₁, 1931. Sp. 1171–1266.
11. Larsen J.A.O. *Greek Federal States: Their Institutions and History*. Oxford: Clarendon, 1968. XVIII, 537 p.
12. Grainger J.D. *Aitolian Prosopographical Studies*. Leiden: Brill, 2000. XII, 339 p.
13. Ager S.L. Peaceful conflict resolution in the world of the federal states // *Federalism in Greek Antiquity* / Ed. H. Beck, P. Funke. Cambridge: University Press, 2015. P. 471–486.
14. Haagsma M., Surtees L., Chykerda M. Ethnic Constructs from Inside and Out: External Policy and the *ethnos* of Achaia Phthiotis // *Ethnos and Koinon. Studies in Ancient Greek Ethnicity and Federalism* / Ed. H. Beck, K. Buraselis, A. McAuley. Stuttgart: Steiner, 2019. P. 285–320.
15. Cassayre A. La justice sur les pierres. Recueil d'inscriptions à caractère juridique des cités grecques à l'époque hellénistique. 2014. URL: <https://criminocorpus.org/fr/bibliotheque/doc/106/> (Date of access: 12.08.2023).
16. Mackil E. *Creating a Common Polity. Religion, Economy, and Politics in Making a Greek Koinon*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2013. XXVII, 593 p.
17. Rousset D. Les frontières des cités grecques. Premières réflexions à partir du recueil des documents épigraphiques // *Cahiers du Centre Gustave Glotz*. 1994. Vol. 5. P. 97–126.
18. Nikitsky A.V. Αιτωλικά: II. About 189–188 BC. // *JMPE*. 1900. № 12. P. 113–151.
19. Sordi M. Die Anfänge des Aitolischen Bundes // *Zur griechischen Staatskunde* / Hrsg. F. Gschnitzer. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1969. S. 343–374.
20. Sizov S.K. The Federal State of Hellenistic Greece: The Aetolian Union. N. Novgorod: UNN, 1990. 80 p.
21. Corsten T. Vom Stamm zum Bund. Gründung und territoriale Organisation griechischer Bundesstaaten. München: Oberhammer, 1999. 271 S.
22. Habicht Chr. Fremde Richter im ätolischen Delphi? // *Chiron*. 1987. Bd. 17. S. 87–95.
23. Cassayre A. La justice dans les cités grecques. De la formation des royaumes hellénistiques au legs d'Attale. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2010. 557 p.
24. Consolo Langher S. Problemi del federalismo greco: il *koinon* acarnano in Tucide // *Helikon*. 1968. Vol. 8. P. 250–276.
25. Giovannini A. Untersuchungen über die Natur und die Anfänge der bundesstaatlichen Sympolitie in Griechenland. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1971. 100 S.
26. Lang F. Veränderungen des Siedlungsbildes in Akarnanien von der klassisch-hellenistischen zur römischen Zeit // *Klio*. 1994. Bd. 76. S. 239–254.
27. Dany O. Akarnanien in Hellenismus. Geschichte und Völkerrecht in Nordwestgriechenland. München: Beck, 1999. XI, 363 S.
28. Fantasia, Ugo. *L'ethnos acarnano dal 454 al 424 a.C.: dinamiche locali e relazioni internazionali* // *Lo spazio ionico e le comunità della Grecia nord-occidentale* / Ed. C. Antonetti. Pisa: ETS, 2010. P. 141–162.
29. Klaffenbach G. *Fasti Acarnanici* // IG. Vol. IX. Pars 1. Fasc.2. / Ed. minor. Berlin: de Gruyter, 1957. P. IX–XXXI.
30. Hammond N.G.L. Epirus: The Geography, the Ancient Remains, the History and the Topography of Epirus and Adjacent Areas. Oxford: Clarendon, 1967. XXIII, 847 p.
31. Schoch M. Die Einrichtung des zweiten Akarnanischen Bundes // *Akarnanien: eine Landschaft im antiken Griechenland* / Hrsg. P. Berktold, J. Schmid, C. Wacker. Würzburg: Ergon, 1996. S. 129–131.
32. Freitag K. Akarnanien and the Akarnanian League // *Federalism in Greek Antiquity* / Ed. H. Beck, P. Funke. Cambridge: University Press, 2015. P. 66–85.
33. Funke P. Acheloos' Homeland. New Historical-Archaeological Research on the Ancient Polis Stratos // *Foundation and Destruction. Nikopolis and Northwestern Greece* / Ed. J. Isager. Aarhus: Universitetsforlag, 2001. P. 189–203.
34. Lasagni C. «Tribal Poleis» in Northwestern Greece // *La question de l'espace au IVe siècle av. J.-C.: continuités, ruptures, reprises* / Ed. A. Pollini, S. Montel. Besançon: Presses universitaires de Franche-Comté, 2018. P. 159–188.
35. Habicht C. Eine Urkunde des akarnanischen Bundes // *Hermes*. 1957. Bd. 85. S. 86–122.
36. Corsten T. Stammes- und Bundeskulte in Akarnanien // *Kult – Politik – Ethnos. Überregionale Heiligtümer im Spannungsfeld von Kult und Politik* / Ed. K. Freitag, P. Funke, M. Haake. Stuttgart: Steiner, 2006. S. 157–167.
37. Deininger J. Der politische Widerstand gegen Rom in Griechenland 217–86 v. Chr. Berlin; New York: de Gruyter, 1971. XIV, 279 S.
38. Briscoe J. A commentary on Livy. Books XXXI–XXXIII. Oxford: University Press, 1973. XVIII, 378 p.
39. Cabanes P. Les États fédéraux de Grèce du nord-ouest: pouvoirs locaux et pouvoir fédéral // *Symposion 1979. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte* / ed. P. Dimakis. Köln; Wien: De Gruyter, 1983. P. 97–111.
40. Sizov S.K. The meeting of the Akarnans on Levkada in the spring of 197 BC: towards interpretation Liv. XXXIII. 16 // *Antiquitas aeterna. The Volga Antiquarian Journal*. Vol. 3. N. Novgorod: UNN, 2011. P. 71–79.
41. Gruen E. Class Conflict and the Third Macedonian war // *American Journal of Ancient History*. 1976. Vol. 1. P. 29–60.

42. Bernhardt R. Polis und römische Herrschaft in der späten Republik (149–31 v. Chr). Berlin; New York: de Gruyter, 1985. VIII, 318 S.
43. Kallet-Marx R. M. Hegemony to Empire. The Development of the Roman Imperium in the East from 148 to 62 B.C. Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press, 1995. XI, 432 p.
44. Briscoe J. Rome and the Class Struggle in the Greek States 200–146 B.C. // *Studies in Ancient Society* / Ed. M. Finley. New York: Routledge and K. Paul, 1974. P. 53–73.
45. Ferrary J.-L. Les Romains de la République et les démocraties grecques // *Opus*. 1987–89. Vol. 6–8. P. 203–216.
46. Pfeilschifter R. Titus Quinctius Flamininus. Untersuchungen zur römischen Griechenlandpolitik. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2005. 442 S.
47. Sizov S.K. Senatus populusque Graecus: the reform of the political structure of the cities of the Peloponnese in 146 BC. // *Bulletin of Ancient History*. 2017. № 1 (77). P. 42–65.
48. Graninger D. Cult and *Koinon* in Hellenistic Thessaly. Leiden: Brill, 2011. X, 210 p.
49. Bouchon R., Helly B. The Thessalian League // *Federalism in Greek Antiquity* / Ed. H. Beck, P. Funke. Cambridge: University Press, 2015. P. 231–249.
50. Ager S.L. Interstate Arbitrations in the Greek World, 337–90 B. C. Berkeley; Los Angeles; London: California University Press, 1996. XVII, 579 p.
51. Camia F. Roma e le *poleis*. L'intervento di Roma nelle controversie territoriali tra le comunità greche di Grecia e d'Asia Minore nel secondo secolo a.C.: le testimonianze epigrafiche. Atene: Scuola Archeologica Italiana di Atene, 2009. 263 p.
52. Accame S. Il dominio romano in Grecia dalla Guerra Acaica ad Augusto. Roma: Signorelli, 1946. 241 p.
53. Scafuro A. Decrees for Foreign Judges: Judging Conventions or Epigraphic Habits? // *Symposion 2013: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte* / Ed. M. Gagarin, A. Lanni. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2015. P. 365–395.
54. Freitag K. Ein Schiedsvertrag zwischen Halos und Thebai aus Delphi // *Kult – Politik – Ethnos. Überregionale Heiligtümer im Spannungsfeld von Kult und Politik* / Ed. K. Freitag, P. Funke, M. Haake. Stuttgart: Steiner, 2006. S. 211–237.
55. Tziafalias A., Helly B. Décrets de Larisa pour des juges de Lacédémone et de Messène et lettres péloponnésienes à Larisa // *BCH*. 2018. Vol. 142. P. 279–316.
56. Helly B. *Un décret fédéral des Thessaliens méconnu dans une cité d'Achaïe Phthiotide* (IG IX, 2, 103) // *BCH*. 2001. Vol. 125. P. 239–287.
57. Fournier J. Entre tutelle romaine et autonomie civique. L'administration judiciaire dans les provinces hellénophones de l'Empire romain (129 av. J.-C. – 235 apr. J.-C.), Athènes: École française d'Athènes, 2010. 693 p.
58. Girdvainyte L. Law and Citizenship in Roman Achaia: Continuity and Change // *Law in the Roman Provinces* / Ed. K. Czajkowski, B. Eckhardt. Oxford: University Press, 2020. P. 210–243.
59. Elliott T. Epigraphic Evidence for Boundary Disputes in the Roman Empire. Chapel Hill: University of North Carolina, 2004. XXXII, 332 p.
60. Crowther C. Foreign Judges in Thessaly in the Hellenistic Period: A Second Century Phenomenon? // *Inscriptions and History of Thessaly. New Evidence: Proceedings of the International Symposium in honor of Professor Christian Habicht* / Ed. G.A. Pikoulas. Volos: Panepistēmio Thessalias, 2006. P. 31–48.
61. Robert L. 1973. Les juges étrangers dans la cité grecque // *Xenion. Festschrift für P.J. Zepos* / Ed. E. von Caemmerer. Bd.1. Athen: Katsikalis, 1973. P. 765–782.
62. Crowther C. Foreign Judges and Regional Variations in Hellenistic Asia Minor // *Regionalism in Hellenistic and Roman Asia Minor* / Ed. H. Elton, G. Reger. Bordeaux: Ausonius, 2007. P. 53–59.
63. Hamon P. Mander des juges dans la cité: notes sur l'organisation des missions judiciaires à l'époque hellénistique // *Cahiers Glotz*. 2012. Vol. 23. P. 195–222.
64. Börm H. Mordende Mitbürger: Stasis und Bürgerkrieg in griechischen Poleis des Hellenismus. Stuttgart: Steiner, 2019. 362 S.